

АНАТОЛИЙ ЛЕВАНДОВСКИЙ

ФРАНКСКАЯ
ИМПЕРИЯ
КАРЛА ВЕЛИКОГО

«ЕВРОСОЮЗ» СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Анатолий Петрович Левандовский
Франкская империя
Карла Великого.
«Евросоюз» Средневековья
Серия «Величайшие
империи человечества»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18125054

Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья:

Алгоритм; Москва; 2014

ISBN 978-5-4438-0540-5

Аннотация

Знаменитый труд профессора А. П. Левандовского о Карле Великом – это не только биография первого императора Запада, основателя Франкской империи, но и история становления средневековых государств Западной Европы: Франции, Германии, Италии. Карл Великий, несмотря на свою известность, – один из самых загадочных правителей Средневековья, эпохи, когда вопросы генеалогии имели решающее значение для претендента на престол: точные время и место рождения будущего императора до сих пор

остаются неизвестными. Зато можно определенно сказать, что именно в правление Карла Великого начался «Дранг нах Ост», тот враждебный натиск на славянство, который Запад продолжает по сию пору. Только за время правления этого императора было совершено более 50 военных походов, половину из которых возглавил он сам. В результате захватнических войн Карл Великий создал огромную империю, простиравшуюся от Венгрии до Испании. Построенная на насилии над народами Европы, Франкская империя просуществовала недолго, и после смерти Карла Великого (814 г.) распалась на части. Знакомство с книгой профессора Левандовского дает понимание того, что многие геополитические проблемы современности были заложены в эпоху «темных веков» западной цивилизации.

Содержание

К читателю	6
Пролог	9
Глава первая	16
Под натиском «варваров»	16
Франки и Франция	23
Одно из «варварских» королевств	29
Короли и майордомы	39
Майордомы и церковь	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анатолий Левандовский
Франкская империя
Карла Великого.
«Евросоюз» Средневековья

© Левандовский А. А., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

*Светлой памяти дорогого учителя Николая
Павловича Грацианского*

К читателю

Эта небольшая книжка для автора значит в чем-то больше, нежели остальные тринадцать увесистых «кирпичей», опубликованных им ранее: она – плод первой любви, а первая любовь, как известно, остается неизгладимой на всю жизнь.

Все началось с экзамена по истории Средних веков, который я, гордый студент истфака университета, в 1939 году сдавал профессору Николаю Павловичу Грацианскому, славившемуся «людоедством». Я уже давно окончил свой «блистательный» ответ о Каролингах (не упомянув, правда, о какой-то новейшей теории – то ли Допша, то ли Зеелигера), а Грацианский все еще теребил свой длинный ус, так напоминавший мне всегда легендарные усы Карла Великого, потом решительно взял зачетку и вывел «хор.». То была моя единственная «четверка» за годы учебы в университете... Мог ли думать я тогда, что буду его учеником и стану заниматься как раз этими самыми Каролингами? Наверное, мог, если не думать, то чувствовать, потому что уже тогда боготворил его и считал, что только он достоин быть моим учителем...

А потом было много всякого, и вот уже окончилась война, и вот я – аспирант того же истфака – занимаюсь у него на дому в семинаре для избранных «счастливиц» и читаю

доклад о саксонских войнах Карла Великого...

Свою диссертацию «Эйнгард и каролингская традиция» я защищал уже без него, после его трагической гибели; и защита прошла не гладко, поскольку работа не отвечала установленным канонам; а один из оппонентов даже назвал меня «парадоксалистом». По-видимому, только его славное имя, да еще имя Евгения Алексеевича Косминского, согласившегося стать формально моим научным руководителем после рокового события, спасли работу от провала. Опубликовать ее мне, конечно же, не удалось – подобные темы в те времена в качестве «неактуальных» находились под запретом. И как было обидно, уже многие годы спустя, видеть, что в зарубежной литературе утверждается то одна, то другая «идейка», которая давно уже высказана тобой, но «там» об этом не знают...

Чувствуя бесплодность моей тематики в подобных условиях, я на долгие годы сменил ее, не порвав, правда, с историей Франции, которая на всю жизнь оставалась для меня единственным полем деятельности. Что же касается проблемы «Карл Великий и Европа», то здесь удавалось лишь время от времени «пробивать» (с большим скрипом) отдельные статьи. Я подружился с хорошими людьми из Главного управления геодезии и картографии, и они помогли мне осуществить подготовку Атласа, который, увы, так пока и не вышел, хотя мои картографические наброски по эпохе Каролингов проникли во многие атласы и учебники – школьные

и вузовские, а также и в обобщающие труды типа «Всемирной истории».

Теперь, на склоне лет, мне, что называется, вдруг «подфартило». Ситуация изменилась – старые запреты отпали. Сегодня можно публиковать все, хотя это очень трудно сделать по причинам уже иного порядка. И вот в результате появилась эта небольшая книжка. Конечно, это лишь крохи. Но сомневаюсь, что по условиям возраста и ряда других обстоятельств удастся сделать большее. А пока я счастлив, что удалось хоть в таком несовершенном виде обнародовать свою «общую идею». И если она заинтересует читателя, а может стать, и убедит его, то большего удовлетворения в этой жизни для меня быть не может.

Первое издание этой книги вышло в свет в 1995 году и встретило благосклонный прием у читателей. Новое издание значительно отличается от предыдущего. Учтены замечания, исправлены ошибки и неточности, переосмыслены отдельные положения. Кроме того, значительно расширены некоторые главы и параграфы, иные же – написаны заново.

Пролог

Блуждая взором по карте Европы...

Еще при жизни он получит прозвища: «Славный», «Блистательный», «Победоносный», «Мудрый»; но одно вскоре возобладает над другими и пребудет в веках: «Великий». Оно неразрывно сольется с именем. «Carolus Magnus» латинских текстов, «Karl der Grosse» у немцев, «Charlemagne» у французов – таким войдет он в легенду, из поколения в поколение оставаясь эталоном для царственных подражателей – Фридриха Барбароссы в XII столетии, Филиппа Доброго – в XV, Карла Пятого – в XVI, Наполеона – в XIX.

Чем заслужил он подобную честь? Завоеваниями? – Но они оказались эфемерными и едва пережили завоевателя; административными реформами? – но они почти не поднялись над уровнем установлений предков; экономическими преобразованиями? – но они были ничтожными; достижениями в области культуры? – но сегодня придуманный кем-то термин «каролингский ренессанс» обычно заключается в кавычки. Так в чем же здесь величие?

Не станем торопиться. И, прежде всего, заметим: вряд ли корректно мерки сегодняшнего дня применять к VIII–IX векам. Империя Александра Македонского тоже распалась по-

сле смерти завоевателя, не слишком усердно занимавшегося реформаторской деятельностью, и тем не менее в глазах потомства он остался Великим. Видимо, подлинную сущность явления определяет не то, что лежит на поверхности и может быть сведено к совокупности неких простых истин. Истина синтезирующая всегда много глубже и определяется не с первого взгляда, требуя проверки длительным временем. Франкский король и император Карл, сын короля Пипина, эту проверку выдержал, о чем свидетельствуют постоянно появляющиеся на Западе новые исследования о его жизни и деятельности. А с 1950 года в городе Ахене, столице империи Карла, проводится ежегодное присуждение премии его имени лицам или организациям, внесшим особый вклад в дело европейского единства.

Впрочем, здесь не все так просто и гладко, как может показаться на первый взгляд. Уже кое-кто из младших современников Карла относился к нему неоднозначно и даже предрекал душе его адский пламень. А позднее, как это бывает обычно, в дело вмешались политика и политические амбиции, не раз осложнявшие восприятие образа великого императора. Ибо если в иные эпохи французские и немецкие исследователи рьяно оспаривали его друг у друга в качестве «основоположника» их национальной истории, то в других случаях они из тех же побуждений и с такой же ретивостью отрецивались от него. Достаточно вспомнить позиции немецких историков и псевдоисториков во времена националистического угара франко-прусской войны и, в особенности, гитлеровского «нового порядка», когда основателю Каролингской империи не могли простить его истребительных войн против «арийцев» – саксов и даже называли его не *Karl der Grosse*, а *Karl der Franken*. И точно так же их французские оппоненты не раз отталкивали Карла и принижали его значение за «прогерманские» позиции и акты. Политика всегда остается политикой, и поскольку герой этой книги, строго говоря, не «немец» и не «француз», то националистическая историография ни там, ни тут не может испытывать к нему чрезмерных симпатий.

Но есть у этой проблемы один особый аспект – аспект,

на наш взгляд, вполне способный примирить соперников, исключаящий в равной мере как «немецкий», так и «французский» подход. Для этого следует лишь обратиться к исторической географии.

Каждый раз, когда смотришь на карту Европы конца раннего Средневековья, ловишь себя на мысли о том, как, в сущности, много на ней элементов современного мира! Правда, в политических границах – как будто бы никакого сходства. В глазах рябит от множества «королевств», «герцогств», «маркизатов» и «епископств». И все же немало такого, что хорошо знакомо. Возьмем, к примеру, названия государств: Англия, Франция, Германия, Италия, Венгрия, Польша; или областей: Гасконь, Бретань, Шампань, Лотарингия, Бургундия, Бавария, Ломбардия – все они существовали уже в X веке. Десять столетий назад! Это кажется особенно поразительным, когда берешь в руки карту VI–VII веков. Сходство исчезает мгновенно. Ни одного знакомого названия! Ни единого из существующих ныне государств!..

На первый взгляд, период с V по VIII век – время бесплодное, бестолковое: какое-то нагромождение бесконечных войн, вторжений, кровавых междоусобий, территориальных разделов и переделов. Когда изучаешь материалы этих четырех столетий, кажется, будто проходишь сквозь дикий, фантастический сон, кошмар, лишенный логики и смысла.

И вдруг, проводив феерически бессмысленные века,

удивленно раскрываешь глаза. Появилась Европа. Появились современные государства.

Мы отнюдь не оговорились: именно современные, существующие и сейчас на политической карте мира.

В горниле «бесплодных» превращений родилось новое. новые народности – предшественницы будущих наций, новые политические организмы, которые пронесут сквозь всю феодальную раздробленность и неустойчивость свою территориально-этническую основу.

И в фокусе всех этих трансформаций оказалась эпически мощная фигура императора франков Карла.

Никогда не понять ни средневековой, ни новой истории таких государств, как Франция, Германия или Италия, если забыть начало этой истории, если сбросить со счета их путь через империю Карла Великого, все те катаклизмы, которые заполняют раннюю, подспудную пору их жизни во франкский период.

Ибо шла она, история эта, от «варварских» государств раннего средневековья к государствам новых народностей, через Империю – к Европе.

Однако чтобы принять этот тезис, а значит, чтобы понять степень величия Карла, следует прежде всего обратиться к истокам. Иначе говоря, выяснить и представить не только (и даже не столько) биографию самого Карла, сколько некий отрезок биографии Западной Европы, точнее – той ее части, судьбу которой в чем-то определили личность и дело

императора.

Империя Карла Великого в 814 г.

Глава первая

Предшественники

Под натиском «варваров»

Начинать следует издалека, и, чтобы подойти к императору IX века, придется вспомнить о другой империи, гораздо более древней.

Двенадцать с лишним столетий господствовал античный Рим, сначала в пределах небольшой области, затем – страны, потом – целого Средиземноморья, пока не вырос в гигантскую державу, охватывающую своими щупальцами весь Древний мир от нижнего Рейна до Северной Африки и от Гибралтара до Месопотамии. Но Рим не просто абсорбировал этот мир; впитав его в себя, он многое усвоил и от него, создав новую цивилизацию, плодами которой мы пользуемся и по сей день, проезжая по римским мостам и дорогам, зачитываясь римской поэзией и прозой, обращаясь в судепроизводстве к нормам римского права.

Однако, подобно всем мировым цивилизациям, Древний Рим, пережив период подъема и расцвета, вступил в длительную фазу упадка и угасания. Во II веке прекратилась его территориальная экспансия; в следующем столетии впол-

не обозначился острый кризис империи, выхода из которого не виделось, ибо то был кризис всего социально-экономического строя, лежавшего в ее основе. Императоры Диоклетиан и Константин, стремясь как-то стабилизировать положение, попытались провести ряд экономических и административных реформ, но все они дали лишь кратковременный эффект. Не более спасительной оказалась и великая духовная реформа, предпринятая Константином, – превращение христианства из гонимой в дозволенную, а затем и господствующую религию.

Почти три века римские власти боролись с христианством и изуверски преследовали его приверженцев; их распинали на крестах, превращали в живые факелы, травили на аренах цирков. С лютым упорством Нерон и его преемники пытались уничтожить учеников Иисуса из Назарета, видя в них соперников своего единовластия. И только Константин понял, что новая вера при соответствующей корректировке может быть скорее полезна, нежели вредна гибнущей державе. Но его знаменитый Миланский эдикт 313 года явно запоздал: остановить глубинные процессы распада было уже невозможно, тем более что едва став на ноги, христианская церковь превратилась в арену конфессиональных раздоров. Не помогла новая религия и в борьбе империи с язычниками-«варварами», которые оказались весьма восприимчивы к заповедям Христа и охотно принимали крещение. Но это отнюдь не увеличивало их симпатий к Риму.

«Варварами» римляне с давних пор называли всех неримлян, живших за пределами их государства. Собственно, оно то как раз и создавалось за счет завоевания земель, населенных «варварами», и превращения последних в подданных или рабов. До начала II века, пока Рим все еще был силен, а «варвары», жившие родовым строем кочевников-скотоводов, сильно уступали ему в военной технике и организации, они продолжали оставаться объектом его захватов. В результате Рим поглотил кельтов Галлии, иберов Испании, многочисленные народы и племена Юго-Восточной Европы и Северной Африки. Но как раз в то время, когда империя начала слабеть и утрачивать прежний завоевательный пыл, «варвары», превращаясь в оседлое общество, почувствовали вкус к земле, а их вожди создали свои боевые дружины, готовые помериться силами с пресловутыми легионами римлян. И стороны словно поменялись местами: теперь обороняться пришлось тем, кто раньше непрерывно наступал. Особенную активность обнаружили племена, известные под общим этническим именем «древних германцев».

Страна к востоку от Рейна, «Германия» Плиния и Тацита, давно была предметом вожеланий римлян. В I веке н. э. она даже частично вошла в состав империи, но ненадолго: восстания местных племен быстро и радикально покончили с претензиями завоевателей, и последним не осталось ничего другого, как приступить к укреплению своих рейнско-дунайских границ. Между тем разрозненные германские племена

стали объединяться в большие группы; одна из таких групп – «готы» – устремилась на юго-восток, дошла до Причерноморья, где и осела, разделившись на две ветви: вестготов (западных готов) и остготов (восточных готов). Но в IV веке сюда же с востока устремились дикие орды кочевников-гуннов. Гунны нанесли смертельный удар готскому племенному союзу. Часть его – остготы – оказалась вынужденной подчиниться победителям и вместе с ними ринулась дальше на запад, другая же часть – вестготы – отступила на юг, к границам Римской империи. Перемещения готов и гуннов во II–IV веках естественно сообщили движение другим, соседним группам племен; в результате началось их массовое перемещение, известное под именем «великого переселения народов». Перед шквальным натиском подобного масштаба одряхлевшая империя устоять не могла.

Не останавливаясь на частностях, отметим главные этапы ее падения.

Римляне сражаются с сарматской тяжеловооруженной конницей. Римский барельеф времен Дакской войны

В 375 году первые отряды вестготов пересекли дунайскую границу империи.

В 378 году они разбили войска римлян и устремились дальше в пределы их державы.

В 395 году империя окончательно разделилась на Восточную и Западную; в дальнейшем Восточная Римская империя с центром в Константинополе нашла в себе достаточно сил, чтобы противостоять «варварам», и под именем Византии продлила свое существование еще на десять с половиной веков.

В 410 году вестготы, хотя и ненадолго, овладели Римом, столицей Западной империи; со времен галльского нашествия (IV в. до н. э.) такого «вечный город» не знал.

В 419 году возникло первое из «варварских» государств на территории Западной Римской империи – королевство вестготов.

В 439 году таких королевств было уже три – вестготов, вандалов и бургундов.

В 455 году «варвары» (вандалы) снова взяли Рим, и на сей раз подвергли его неслыханному разгрому и разграблению, сделав свое племенное имя нарицательным на все времена.

В 476 году Западная Римская империя прекратила существование. Здесь необходимо отметить одну деталь. Одоакр, предводитель германских наемников, овладев Римом, в отличие от своих предшественников, не ограничился грабежом и кратковременным пребыванием в столице. Он низложил последнего римского императора, малолетнего Ромула Августула, но не присвоил себе императорского титула; вместо этого он собрал знаки императорского достоинства и отправил их в Константинополь властителю Восточной Рим-

ской империи. Сим актом как бы подводилась черта: давно уже фактически развалившаяся Западная Римская империя теперь и формально прекращала свое существование. Отныне константинопольские императоры могли считать себя единственными наследниками империи в целом. При случае они каждый раз заявляли об этом и в середине VI века даже попытались «вернуть» утраченные земли Запада. Запомним этот факт. Он еще пригодится нам в дальнейшем.

Между тем в конце V века «варвары» добрали все то, что еще оставалось от бывшей Западной Римской империи; этими «остатками» овладели остготы, англосаксы и франки.

Последние отныне будут постоянно пребывать в центре нашего внимания.

Франки и Франция

Термин «франки» (franci) вплоть до сего дня остается предметом бесконечных дискуссий. Историки и филологи, пытаясь выяснить корень слова «франк», объясняют его по-разному: одни как «бродячий», «блуждающий», другие как «храбрый», «отважный», «неустрасимый», третьи как «гордый», «благородный», четвертые как «дикий», «свирепый». Уже столь значительной разницей в трактовке обнаруживает бесплодность поиска. Думается, однако, дело не в расшифровке понятия, которая вряд ли возможна (да и едва ли необходима), а в том, к кому и когда это понятие прилагалось.

В источниках франки упоминаются впервые в III веке, а точнее – в 242 году. По свидетельству современника, именно в этот год один их отряд вторгся в Галлию у нижнего Рейна и был разбит трибуном VI легиона Аврелианом, будущим императором, причем 700 «варваров» пали на поле боя, а 300 были захвачены в плен и проданы в рабство. Затем это имя снова и снова появляется на страницах хроник, каждый раз в связи с воинственностью и стремлением осесть на римской территории. Так, в 263 году целая орда франков прошла с боем через Галлию и Испанию; в 277 году они были разбиты императором Пробом близ Рейна, в самом конце III века – потерпели поражение от Констанция Хлора, а в на-

чале следующего столетия были неоднократно разбиваемы Константином и его преемниками. Характерно, что успехи римского оружия не сломили натиска франков из-за Рейна; будучи сами теснимы соседями, они продолжали вторгаться в северную Галлию, и в конце концов императоры оказались вынуждены согласиться на их поселение в этом районе на правах федератов.

Что же представлял собой этнос древних франков, и какова была территория их первоначальных поселений? Комбинируя данные источников, мы можем довольно точно ответить на оба вопроса.

Областное имя «Франция» (Francia) и соответственно этнический термин «франки» в III – начале IV века прилагались к территории вдоль нижнего течения Рейна и к германским племенам, населявшим эту территорию: хаттам, хамавам, тенктерам, бруктерам, марсам, сугамбрам и другим. Обращает на себя внимание тот факт, что общий термин («франки») и частные, племенные термины не исключали друг друга и поначалу применялись параллельно. Понять это можно лишь учитывая, что в период III–IV веков старые родовые отношения у германцев стали распадаться, быстро шло имущественное расслоение, усилилось значение войны, превратившейся в средство захвата добычи. Старые племена начинали консолидироваться в более значительные объединения – племенные союзы. Так еще раньше сложился готский союз, так возникли свевский, маркоманнский и ала-

маннский союзы. Таково же, по-видимому, происхождение и франков – племенного союза, выросшего на основе объединения ряда других, более древних племен. Очевидно, что союз этот не отличался особенной прочностью – отдельные племена часто действовали самостоятельно; кроме того, франки, согласно современным свидетельствам, делились на салических и рипуарских. Этимология этих терминов не сложна. Слово «салические» явно происходит от латинского «sails», что значит «морское побережье»; слово «рира», корень имени второй ветви франков, также означает «берег», но уже не моря, а реки. Отсюда нетрудно сделать вывод, что салии расселялись вдоль побережья Северного моря, рипуарские же франки обитали от них к востоку, по нижним и средним течениям великих рек, протекавших по общей этнической территории.

Вожди франков

Что же представляла собой эта территория в IV веке? По сравнению с предшествующим столетием она значительно расширилась. Франки прежде всего освоили земли вдоль правого берега Рейна, от впадения в него Майна до моря. Салические франки, как мы видели, еще в III веке переходили на левый берег Рейна и стремились освоить нижнее течение этой реки, так же как и нижнее течение Мааса. К IV веку относится продвижение франков в глубь Галлии; этого продвижения не могли остановить энергичные меры римской администрации, и при императоре Юлиане (вторая половина IV века) они прочно удерживали провинцию Токсандрию вплоть до рек Соммы и Самбры на юге. Территория вдоль Шельды и нижних течений Мааса и Рейна стала, таким образом, историческим ядром будущего Франкского государства.

Следует отметить, что воспоминание об этом сохранится надолго: в IX веке, при Карле Великом и его преемниках, источники будут называть эту территорию «Древней Францией» (*Francia Antiqua*).

На рубеже V и VI веков процесс внутренней консолидации франков достигает такого уровня, что в начале не очень прочный племенной союз начинает превращаться в народность. Складывание единой территории ускорило этот процесс, усилив сознание общей этнической принадлежности. Если раньше, как уже отмечалось, наряду с общим именем

«франки» существовали старые племенные названия («сугамбр», «марс» и др.), то теперь они совершенно исчезают, и термин «франк» вполне точно определяет этническую принадлежность его носителя: источники четко противопоставляют его «аламанну», «лангобарду», «фризу» или представителю какой-либо иной племенной группы. Добавим к этому, что именно теперь складываются те формы экономического единства франков, которые проявились в единстве их земельных распоряжений и стабилизации хозяйственных правил, зафиксированных позднее в «Салической Правде», и прочная основа формирующегося Франкского государства нам станет вполне ясна.

Одно из «варварских» королевств

Ему было суждено пережить все другие «варварские» государства и окончательно сложиться на основе их последовательного завоевания.

Обычно возникновение Франкского государства связывают с правлением Хлодвига (481–511). Подобное утверждение неоспоримо; но не следует забывать, что этот монарх (князь или король) имел предшественников, сыгравших определенную роль в утверждении его власти у франков.

Первым упоминаемым в источниках князем салических франков был Хлойо (или Клодион), разбитый в 431 году римским полководцем Аэцием. Позднее, оправившись от поражения, Хлойо захватил город Каморе и все побережье до реки Соммы, после чего сделал своей столицей Турне. Его преемником стал некий Меровея (или Меровер), личность мистическая, поскольку согласно преданию он был плодом противоестественного союза женщины с морским чудовищем. По всей вероятности, эта сказка принадлежит к числу этимологических легенд и представляет собой попытку объяснить имя «Меровея», что значит «рожденный морем». Как бы то ни было, но этому полуполюгендарному князю последующая история обязана наименованием первой династии салических франков – «Меровинги». Сын Ме-

ровея Хильдерик, князь Турне, был уже абсолютно реальным лицом, что подтверждает его богатое погребение, найденное еще в XVII веке; он-то и являлся отцом Хлодвига.

В отличие от своих предшественников Хлодвиг к концу правления уже по праву носил титул короля. Жестокий и неразборчивый в средствах «варвар», он отличался бурной энергией, страстью к завоеваниям и стремлением объединить под своей властью все соседние территории и племена. Начав с захвата остатков бывшей Западной Римской империи в Галлии (области между Соммой и Луарой, 486 год) и одновременно уничтожив многочисленных родственников – других князей салических франков, Хлодвиг сумел добиться покорности и от франков рипуарских, попутно вынудив платить дань аламанным. На очереди оказались земли к югу от Луары, принадлежавшие вестготам. Но прежде чем совершить новый «прыжок», Хлодвиг сделал многозначительную паузу.

Хотя франки все еще оставались язычниками, их власти-тель давно понял, какой моральной силой обладает христианство. Он и прежде относился к христианскому духовенству вполне лояльно, теперь же, учитывая политическую ситуацию, решил сделать на него ставку и принять новую веру. Дело в том, что его потенциальные противники – вестготы – были арианами, а их короли и князья находились в весьма сложных отношениях с местными церковными властями, считавшими оных «еретиками». Учитывая это, Хлодвиг по-

спешил до начала планируемого похода принять христианство в ортодоксальной форме и крестился вместе со своею дружиной в 496 или 498 году. Теперь можно было начинать задуманную акцию с надеждой на поддержку галло-романского духовенства. В 507 году Хлодвиг пересек Луару и нанес сокрушительное поражение королю вестготов, погибшему в битве. После этого почти вся южная Галлия перешла в руки победителя. Правда, пробиться к Средиземному морю ему все же не удалось – король остготов Теодорих, ревниво следивший за его победами, успел захватить побережье Септимании. Также не удалось Хлодвигу подчинить своей власти бургундов: их король Гувдобад, несмотря на временные успехи франков, сумел отстоять свою независимость. Впрочем, и без того успехи Хлодвиг были достаточно велики; овладев двумя третями Галлии, он более чем удвоил территорию государства. Но главное было в другом.

Скульптура Хлодвига I в соборе Сен-Дени под Парижем. Фрагмент надгробия

Принятие христианства сблизило завоевателя с Византийской империей. Император Анастасий, узнав об успехах нового единоверца, письменно поздравил его, пожаловал званием консула и разрешил носить титул «достославнейшего короля». Этот акт завершился торжественной церемонией. Хлодвиг, с короной на голове, облаченный в пурпурную мантию, верхом на белом коне, совершил триумфальный въезд в турскую цитадель. Народ, которому он щедро разбрасывал пригоршни золотых и серебряных монет, приветствовал его громкими восклицаниями.

Но и после принятия христианства, став «достославнейшим королем», «варвар» остался «варваром» и, по обычаю предков, рассматривая государство как свою вотчину, незадолго до смерти разделил его между четырьмя сыновьями. Это породило нескончаемые распри, междоусобные войны, разделы и переделы, продолжавшиеся при внуках и правнуках Хлодвига. Характерно, впрочем, что, несмотря на усобицы, «длинноволосым королям» не было чуждо сознание общих интересов, и совместными силами они продолжали политику Хлодвига по расширению господства франков. Им удалось подчинить Бургундию, через Прованс получить долгожданный выход к Средиземному морю, покорить тюрингов и обложить данью саксов. Аламанны и бавары также

были вынуждены признать гегемонию франкских властителей, сохранив при этом своих племенных вождей.

Исследователей давно мучит вопрос: почему именно Франкское государство, несмотря на все внутренние неурядицы VI–VII веков, оказалось гораздо более прочным, устойчивым (плюс имеющим тенденцию к расширению своих границ), нежели все остальные «варварские» государства, постепенно исчезнувшие с карты Европы в течение этих же двух столетий? По-видимому, причины успеха франков коренились прежде всего в том, что, в отличие от других «варваров», они селились на первоначальных местах своего обитания компактными массами, в основном на пустующих землях, не растворяясь среди местного населения и не теряя прежних общинных распорядков. Продвигаясь же в глубь Галлии, они не порывали связи со своей родиной (*Francia Antiqua*), откуда постоянно черпали материальные и людские ресурсы. При этом, в отличие от других «варваров», франки в процессе расселения не отбирали поместий у прежних собственников – для них хватало земель бывшего императорского фиска; естественно, подобная политика содействовала их постепенному слиянию с верхушкой галло-романского населения. Наконец, как уже отмечалось, после принятия христианства франкам оказывало поддержку духовенство, видя в них постоянную опору против «еретиков». Все это обеспечивало быстроту и сравнительную прочность франкских завоеваний. Но это же содействовало и противополож-

ному процессу, проходившему параллельно.

Именно потому, что в ходе завоеваний и расселения по северной и средней Галлии франки ассимилировались местным населением (и тем в большей степени, чем дальше проникали в глубь страны), западные районы освоенной ими территории в этническом и социально-экономическом отношениях стали все больше розниться от ее восточных, исконных районов. Это выявилося в постепенном обособлении двух ветвей франкской народности. Смешиваясь с галло-романским населением, завоеватели образовали ту группу «западных франков», которая в источниках меровингской эпохи начинает противопоставляться «франкам восточным», сменив прежнее деление на салических и рипуарских франков. Равным образом это нашло отражение и в территориальных наименованиях. Источники четко выделяют область *Francia*, увеличившуюся по сравнению с *Francia Antiqua* и простирающуюся от средних течений Рейна и Майна до Луары и Ла-Манша, противопоставляя ее Аквитании, Бургундии и другим областям, также входившим в состав Франкского государства (*Regnum Francorum*). Однако теперь эта «*Francia*» в свою очередь делится на два «королевства», соответствующих двум ветвям франкской народности – на Австразию (*Austrasia*) и Нейстрию (*Neustria*). Эти названия говорят сами за себя: «Австразия» – «восточная страна» (*ost reich*), «Нейстрия» же – ее противоположность, «не восточная» (*ne ost reich*), т. е. «западная». Исполь-

зую отдельные акты Меровингов, историки пытались установить границу между Австразией и Нейстрией. Но занятие это малопродуктивно по своей сути, поскольку таковая граница вряд ли существовала как нечто постоянное и устойчивое; она была столь же неопределенной, как и этническое разграничение между восточными и западными франками. Самое большое, что можно сделать, – указать ядро одного и другого королевства. Для Австразии это был район нижнего и среднего Рейна и Майна, для Нейстрии – бассейны Соммы и Сены.

Comment le Roy & Louis et sa femme
Glothalde sont en leur palais et comment
ses trois filz sont deuant eulz Et comment
le Roy diuisa le Royaume en quatre pieces
si que chascun soit assenee au sien Roy
niere. .i.

Le Roy & Louis et sa femme

Хлодвиг I и его семья. Миниатюра из «Больших хроник Франции»

Оба королевства, равно как Бургундия и Аквитания, силою обстоятельств ненадолго объединились в одних руках, это пришлось на царствования Хлотаря II (613–629) и Дагоберта I (629–639). Однако именно тогда началось возвышение тех, кому суждено было покончить с династией Меровингов, – майордомов Франкского королевства.

Короли и майордомы

В царствование Дагоберта, казалось, вернулись времена Хлодвига. Король обуздал своеволие магнатов, возвратив часть расхищенных земель, значительно увеличил доходы казны и завел блестящий двор в Париже. Современники недаром прозвали деятельного Дагоберта «Соломоном франков». Он попытался, и не безуспешно, сыграть на Западе ту же роль, которую некогда играл Теодорих Остготский: вмешивался в интриги вестготов Испании и лангобардов Италии, договаривался с византийским императором о совместных действиях против славян, одновременно стараясь расширить пределы своего государства на юго-западе. Не меньшее внимание уделял «Соломон франков» и делам внутренним.

К этому времени общая структура государства, едва намеченная при Хлодвиге, окончательно сложилась. Она была нехитрой. Завоевания ускорили социальное расслоение франков, земельная собственность общины превращалась в частную, львиная доля которой сосредоточилась в руках короля и знати. Король по-прежнему смотрел на государственную территорию как на свою вотчину: он делил ее, раздавал своим родственникам и сторонникам, вовсе не считаясь с интересом населения. В качестве преемника римского императора в Галлии он выступал как носитель выс-

шей власти – законодательной, административной, судебной. Все эти функции Дагоберт осуществлял с помощью своих слуг – референдариев, стоявших во главе канцелярии, дворцовых графов, ведавших судебной процедурой, кубикularioв, охранявших королевские сокровища, и маршалов – начальников конюшен. Главное место во дворце занимали сенешал (*senexscalcus* – «старший раб»), осуществлявший общий надзор, коннетабль (начальник маршалов) и майордом (*maior domus* – «старший в доме»), управлявший королевскими поместьями и ведавший финансами. С течением времени последняя должность стала особенно многоплановой и престижной. Главным проводником королевской власти на местах был граф, выполнявший судебные, административные и военные функции. Рядом с графом находился епископ, причем епископальный округ – диоцез – обычно совпадал с округом административным (*pagus, civitas*). В целом правительственный аппарат был предельно прост, резко отличаясь от прежней римской бюрократии; но эта простота вскоре оказалась чревата для верховной власти весьма серьезной опасностью.

Первоначально Австразия, Нейстрия и Бургундия имели каждая свою администрацию, возглавляемую отдельным майордомом. Стремясь ослабить влияние знати, Дагоберт покончил с подобной практикой и установил одного майордома для всей страны. Подобной мерой он рассчитывал укрепить свое единовластие, однако это привело к противо-

положительным результатам.

Дагоберт I был последним из Меровингов, умевших ограничить своеволие магнатов. После него началась эпоха «ленивых королей» (так назвал их современник). Строго говоря, они были не столько ленивыми, сколько недееспособными. Получая корону в младенческом возрасте, в 14–15 лет они уже становились отцами. С детства предаваясь различного рода излишествам, преждевременно истощая себя физически и духовно, «ленивые короли» дольше 24–25 лет обычно не жили. Разумеется, государством управляли не эти слабосильные отроки, а те, кто устраивал их ранние браки и, умышленно потакая губительному образу жизни, до срока сводил юных монархов в могилу. В этих условиях и выдвинулся новый могущественный род майордомов: род, сумевший закрепить за собой этот важный титул и с его помощью подчинить прочих магнатов. То был род, получивший имя Пипинидов по имени своего основателя, Пипина Ланденского (или Старого), и еще в пору царствования Дагоберта соединившийся брачными узами с другим знатным родом, происходившим от епископа Мецкого Арнульфа и вследствие этого прозывавшимся Арнульфингами.

Пипиниды-Арнульфинги не сразу укрепились у власти. После майордома Пипина Старого и сына его Гримоальда, окончившего жизнь на плахе, им пришлось почти на четверть века отойти в тень и поджидать удобного случая. Во второй половине VII века такой случай представился.

В 681 году один из потомков Пипина Ланденского, тоже Пипин, по прозвищу Геристальский, одержав блестящую победу над своими соперниками, вновь стал единым майордомом всех трех частей Франкского государства, окончательно отодвинув на задний план «ленивых королей» – Меровингов.

Победа Пипина II вовсе не означала, как думают некоторые историки, торжества германских элементов Австразии над романскими элементами Нейстрии. Нет, то была не более чем победа одного из могущественных аристократических родов франков над другими, подобными же родами, его мощный прорыв на пути к верховной власти. Пипин Геристальский был прадедом Карла Великого.

Дагоберт I – король Австразии, Нейстрии и Бургундии.

Картина Эмиля Синьоля

Майордомы и церковь

Большинство историков полагает, что название второй франкской династии «Каролинги» произошло от имени Карла Великого. Но с таким же успехом оно могло произойти и от имени другого Карла, его деда, сына Пипина Геристальского, тем более что прозвище «Мартелл» (Боевой Молот), которое он носил, традиция перебрасывает и на императора Карла. Так или иначе, но именно с Карла Мартелла начинается подлинное могущество Пипинидов, приведшее их к королевскому, а затем и императорскому трону.

Ничто в его юности не предвещало будущего взлета. Он даже не был законным наследником, происходя от наложницы Пипина. Но судьбе было угодно, чтобы оба легитимных потомка майордома умерли раньше отца; остались лишь внуки, от имени которых и попыталась управлять вдова Пипина Плектруда, предварительно упрятав Карла в темницу. Однако он бежал из тюрьмы, нашел приверженцев и вскоре заставил Плектруду отдать ему отцовские сокровища и власть. Не менее успешной была борьба Карла с другими магнатами. Лишив земель и суверенитета одних, заставив смириться других, он добился всеобщего признания в качестве единого майордома франков (814–841) и даже какое-то время обходился без «традиционного реквизита» – очередного «ленивого» короля-Меровинга. Одновременно, пред-

приняв ряд внешних походов, Карл вернул государству утраченные области за Рейном и в Галлии. И наконец, он преградил дорогу на север исламу, выиграв у арабов, вторгшихся в Аквитанию, битву при Пуатье (732). Разумеется, для осуществления столь обширной программы одной личной энергии майордома-Молота оказалось бы недостаточно; нужны были ресурсы, и немалые. Откуда он их черпал?

Карл Мартелл явился пионером системы, которой предстояло стать основой общеевропейского строя, названного феодализмом. Он первый на Западе отважился прибегнуть к тому, что раньше просматривалось лишь эпизодически и случайно: к постоянной практике бенефициев. «Бенефиции» (от *лат.* «bene» и «facio») дословно переводится как «благоденствие». Подобное «благоденствие», чаще всего в виде участка земли, давалось высшей властью свободному человеку за те или иные услуги; давалось не навечно, а как условное владение, на срок несения службы. По наследству бенефиции не передавались. Бенефиции Карла были военными: ими наделялись франки за несение исправной военной службы, преимущественно конной. Каждый служилый человек должен был с доходов от полученного участка исправно содержать оружие и коня, дабы оказаться готовым по первому призыву майордома явиться в строй. Некоторые историки думают, что мысль о создании конной армии появилась у Мартелла после знакомства с арабской кавалерией; другие считают иначе. Но вряд ли можно отрицать, что имен-

но он первый создал во Франкском государстве устойчивую боеспособную армию; недаром реформа была продолжена и расширена при сыне и внуке Карла.

Военная реформа имела важное социальное значение. Ведь земли давались бенефициариям не пустыми, а заселенными: на них сидели зависимые люди, превращавшиеся в крепостных крестьян. Таким образом, служилый человек получал и поместье, и работников, вследствие чего сам становился помещиком-рыцарем. Так в правление Карла Мартелла складывалось рыцарское сословие, которое майордом мог с успехом противопоставить (что он и делал) непокорным магнатам; отныне рыцарство станет постоянной опорой центральной власти в борьбе с крупными феодалами.

Но вот вопрос: откуда Карл черпал земли (а их нужно было много), чтобы нарезать достаточное количество бенефициев? Конечно, он мог бы использовать родовые владения Пипинидов-Арнульфingов. Но этого он делать не стал. Он помнил: «ленивые короли» превратились в прах именно потому, что в междоусобной борьбе растратили свои фамильные домены. Нет, в подобном положении мудрый майордом оказаться не желал и рисковать не собирался. Нужно было искать другой источник. И он был найден: им стали владения церкви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.